СОКРАЩЕННОСТИ

достопамятныхъ произшествій,

Изъ сочиненія Господина д' Арно; названнаго имъ:

ЧТЕНІЕ ПО СЕРДЦУ ЧЕЛОВѢКА ЧУВСТВИТЕЛЬНАГО,

Изданнаго въ 1786, по соблагоизволенію Королевскому.

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ

МОСКВА,
въ Сенатской Типографіи у В. Окорокова.
1794 года.

Съ одобренія опредѣленныхъ цензоровъ.

МѢСЯЦЪ ІЮНЬ.

КОМЕДІАНТЪ.

Пріятель творца сего сочиненія пришелъ нѣкогда навѣстить знакомую ему Благородную женщину, которая ставъ обвинена по тяжебному нѣкоему дѣлу, почти уже нищетствовала. Не засталъ ея дома, а увидѣлъ только въ комнатѣ ея молодую дѣвку обливавшуюся слезами. То была служанка ея. . . . . . . ,, О чемъ ты плачешъ такъ горько? . . . . . Барыня моя, увы! думаю ,, уже теперь въ тюрьмѣ. ,, Послѣ не многихъ словъ сихъ, зарыдала . . . . ,, Въ тюрьмѣ? . . . . . Такъ сударь! ,, отъ Магистрата присланной повелъ ,, ея съ собою. Упросила она его, чтобъ ,, позволилъ прежде увидѣться съ нѣ,, сколькими особами: въ чаяніи, что ,, сыщетъ милостиваго человѣка. Но въ ,, здѣшнемъ ли городѣ можно сыскать ,, такихъ? Боже! для чего ничего не,, имѣю я; все бы отдала, да и душу бы

,, мою

„ мою, ежели бы было можно. Такую „ добрую госпожу, такую почтенную, „ какое бы удовольствїе избавить отъ „ подобнаго уничиженїя! „

Безсилїе мое освободить достойную сїю знакомку мою ни когда столько не бывало мнѣ тяжко. Все, что украшаетъ и славитъ прекрасный полъ, въ темницу ввергается! (*).

Между тѣмъ, какъ я предавался горести моей, горнишная же дѣвка продолжала свой плачь. Слышу, что кто-то бѣжитъ къ намъ вверхъ по лѣстницѣ. Двери отворились, входитъ хозяйка, кидается во объятїя служанки своей, меня не примѣтя; отъ усталости задыхаясь говоритъ ей:.... „ Отри слезы твои, Марїана, я уже сво- „ бодна. „ Далѣе продолжать не могла. Обѣ остались между рукъ одна у другой. Какое

(*) Между великимъ множествомъ оказанїй человѣколюбїя Людовика шестаго надесять, помѣщается отеческое его призрѣнїе къ вовлекаемымъ отъ законовъ подъ стражу по долгамъ только и за иныя не уголовныя вины; совсѣмъ инакое даровано имъ отъ него содержанїе, нежели злодѣямъ. Первые всякое возможное продовольствїе и успокоенїе для себя находятъ.

Какое зрѣлище! Какъ чувствительность сердецъ сближаетъ состоянія! Взоры первой срѣтились съ моими: . . . . . „А! „вы здѣсь; раздѣлите со мною радость „мою, мою благодарность, восхищеніе „мое! Удивлю васъ, кто избавитель „мой: но дайте мнѣ отдохнуть, ноги „не держатъ, не достаетъ силъ моихъ „не такъ отъ совершеннаго изнеможенія, сколько отъ пораженія безпримѣрною милостію человѣка, отъ котораго, казалось бы, ожидать было не можно.„

Успокоясь съ минуту начинаетъ: . . . . „Не скрывала я отъ васъ бѣдственнаго „моего положенія, да и утаевать бы то „было трудно. Доколѣ тянулась тяжба „моя, у кого я не просила помощи? „. . . . Должники между тѣмъ самыя „безчеловѣчныя производили гоненія. „Наконецъ присланной Магистратомъ „потащилъ меня въ тюрьму; укланяла „его зайти со мною къ нѣсколькимъ „особамъ, на которыхъ могла полагать „нѣкоторую надежду. Представляюся „предъ одного богача, обнажаю мое „состояніе плачевное, заклинаю его „именами Бога и человѣчества сжалиться надо мною . . . . . Что же услышала?, повѣритель? . . . . . Я васъ „давно уже люблю страстно; давно уже искалъ пристойнаго случая

„ открыть вамъ оное. Почувствуйте „ ко мнѣ тоже, и всѣ долги ваши за„ плачу. „ . . . . . . Взглядъ презрѣнія брошенной на него, и бѣгство отъ него были только моимъ ему отвѣтомъ.

Наслышавшись отъ всѣхъ о человѣкѣ въ большемъ чинѣ, что онъ по справедливости слыветъ образцемъ набожности, вѣрнымъ прибѣжищемъ для бѣдныхъ; вхожу къ нему, высказываю ему крайность мою; говоритъ онъ мнѣ: . . . . . „ Къ несчастію вашему всѣ деньги, „ накопленныя мною для нищихъ около „ приходской моей Церкви, уже розданы. „ . . . . Но я, сударь! прошу не мило„ стыни, а одолжите меня заимообразно „ только, заплачу вамъ вѣрно . . . . . „ Отворилъ двери, взялъ меня за руку, и „ вывелъ вонъ.

„ Уже я ближусь къ живому, такъ „ назвать, гробу моему. Приходитъ „ мысль странная, или точнѣе сумасб„ родная; но въ гибели и самые при„ зраки сбыточными кажутся.

„ Проходя жилище извѣстнаго здѣсь „ въ городѣ комедіанта, размышляю въ „ себѣ: этотъ человѣкъ такъ живо изо„ бражаетъ душевныя чувствованія; не„ льзя не быть ему жалостливу и „ помощелюбну . . . . . . Уже я предъ нимъ.

Черты

,, Черты лица его, его взоры ободряютъ меня. Описываю ему мое страданїе. Ничего онъ не сказавъ отмыкаетъ мѣсто, гдѣ лежали его деньги; вынимаетъ кошелекъ, проситъ меня принять оный: прошу же и я, облившися слезами благодарности, чтобъ взялъ прежде обязательство съ меня письменное . . . . Нѣтъ, сударыня, не вы мною, я одолжаюся лестною мнѣ вашею довѣренностїю; дайте мнѣ только въ томъ слово, чтобъ объ этомъ ни кто на свѣтѣ не вѣдалъ. ,,

---

ДВА МАТРОЗА.

Ишпанецъ и Французъ (*), оба матрозы, были въ Алжирѣ плѣнниками, слѣдователно во оковахъ и трудахъ тяжкихъ. Одинъ именовался *Антонїй*, другїй *Рожеръ*. Послучаю попалися работать вмѣстѣ . . . . Несчастныхъ утѣшенїе дружество; оно единое бѣдствїя человѣческїя сколько нибудь облегчать можетъ.

Любились они, сокращали время разговорами объ отчизнахъ своихъ, семействахъ,

---

(*) Сколько такихъ нынѣ между Французами третїей степени?

ствахъ, и какъ бы обрадовало ихъ свиданіе когда либо съ последними. Часто омочая одинъ у другаго грудь находили то отрадою; на всякъ день благодарили Бога, что соединилъ ихъ разделять страданіе.

Упражнены были ломкою и высеканіемъ камней для проложенія дороги черезъ гору. Некогда Ишпанецъ покинулъ дело свое, опустилъ руки, устремилъ глаза на пространство моря, воздохнулъ и говоритъ Французу: . . . .
„ Другъ мой! Все мои желанія, вся моя
„ душа, на краю водной сей обширности!
О! ежели бы преплылъ я оную: не инако
„ однакоже, какъ совокупно съ тобою. .
„ . . . Мечтается въ мысляхъ моихъ,
„ что вижу тамъ мою жену, детей
„ моихъ; что та и те протягиваютъ
„ ко мне руки съ Кадикскаго берега,
„ или оплакиваютъ уже мою смерть. „

Всякій разъ по томъ увидевъ онъ море, задумывался, не сводилъ съ онаго взоровъ, стоны и рыданія вырывались.

Въ одинъ день объемлетъ *Рожера*, указывая на море рукою произноситъ: . . . . . „ Смотри, корабль подъ парусами на ходу, кажется Европейской . .
„ . . . . Безъ сомненія не приближится
„ къ варварской земле . . . . . . Завтра

„ же,

„ же, ежели только захочешь, конецъ
„ мученїю нашему . . . . . Такъ, вѣрно
„ завтра судно это недалѣе будетъ отъ
„ горы двухъ миль . . . . . Взойдемъ
„ на край ея утесной кручи, бросимся:
„ или доплывемъ, или погибнемъ вмѣ-
„ стѣ. Смерть несравненно лутче позо-
„ рнаго рабства. „

Рожеръ отвѣчаетъ: . . . . „ Спаси
„ только себя, ежели можешъ, не помы-
„ шляя о мнѣ, и лютый мой жребїй
„ мнѣ будетъ сноснѣе: дружба моя къ
„ тебѣ разорвется могилою моею. Спаси
„ себя; объ одномъ только прошу: най-
„ ди отца моего, скажи ему . . . . .
„ Безъ тебя спасать мнѣ себя? . . . . .
„ Опомнись; могу ли прожить послѣ и
„ одну минуту, а при томъ оставивъ
„ тебя во узахъ? . . . . . Вѣдаешъ,
„ *Антонїй*, я плавать не умѣю . . . .
„ Но я умѣю любить тебя; жизнь моя
„ тебѣ принадлежитъ. Спасемся оба,
„ или одна яма тебя и меня закроетъ.
„ Послѣдуй мнѣ; дружба подаетъ мнѣ
„ силы; держись только крѣпко за поясъ
„ мой . . . . Утоплю тебя только . . . . .
„ Такъ вмѣстѣ умремъ. Сказалъ уже
„ тебѣ, вѣрно надѣюсь, что силы мои
„ умножатся дружбою. Любовь моя къ
„ тебѣ такая, что даже чудесъ отъ
„ ней ожидаю. Не упрямься же больше.
„ Примѣчаю, что чудовищи, сторожи

„ наши, подглядывают нас; а может
„ быть найдутся подлецы и между на-
„ шими товарищами, возпредатель-
„ ствуют им. Прости. Чу, зазво-
„ нили в колокол, надобно нам раз-
„ статься . . . . Помни же завтре-
„ шней дѣнь. „

Запираются по разным острогам. Наступило утро, начало работы; невольников выводят из тюрем; *Антонїй* и *Рожер* увидѣлись. До самаго вечера не спускали с них глаз приставники. Перед шабашем, однако же, могли говорить не быв подслушиваемы. Ишпанец велит пользоваться мгновенїем удобности бѣжать за ним на мѣсто вышесказанное. *Рожер* нерѣшим; *Антонїй* обняв его и облив слезами, говорит: . . . . . „ Не слезы
„ твои, а отважность нужна. Послу-
„ шайся, или теперь же ударюсь об
„ острые верхи камней и разобью себѣ
„ голову. „

Бросаются оба в море; погрузились, стали потом видны. Ишпанец поплыл нещадя сил; Француз держится за него.

С корабля, о котором упомянули выше, примѣчено. Находившимся на нем показалось, что то было какое

ни-

нибудь морское животное, которое ныряя ближится къ судну ихъ. Но скоро за тѣмъ увидѣли съ берегу шлюпку; поняли, что была погоня за кѣмъ нибудь. Спустили ботъ, послали оный на встрѣчу ко утопавшимъ уже.

Рожеръ увидѣвъ также гонящихся за ними, едва отъ совершеннаго истощенія силъ могъ промолвить *Антонію*: . . . . . ,, За нами гонится шлюпка, я опущусь и умру; инако же и ты и я гибнемъ. ,, ... Послѣдній обхватываетъ его одною рукою; но оба скрылись подъ поверхностію воды.

На шлюпкѣ не взвидѣвъ ихъ больше, не знали куда держать. Ботъ уже близко къ показавшимся опять изъ моря. *Антоній* влача друга своего одною, какъ уже сказано, рукою, другою напослѣдокъ хватается за закраину бота. Вытащены; избавитель только могъ произнести: . . . . . ,, Попекитесь о другѣ ,, моемъ, меня же оставьте; чувствую, ,, что конецъ мой. ,,

По словахъ сихъ въ самой вещи всѣ приняли его уже умершимъ. *Рожеръ* открылъ глаза, приподнялъ голову, другъ его лежитъ бездыханенъ, кидается на него, рыдаетъ, вопіетъ: . . . . ,, *Я твой* убійца. ,, Сказавъ то вырываетъ у ближайшаго къ нему на ботѣ шпагу изъ ноженъ, стремится ею себя

пронзитъ; но не допускается . . . . . Разверзлись не много *Антонїевы* уста, излетѣлъ слабый вздохъ. Всѣ вдругъ закричали: . . . . . ,, Онъ живъ, живъ! ,, ... Взглянулъ, ищетъ *Рожера*, и едва слышимымъ голосомъ произноситъ: . . . . . ,, Велико имя Твое, Господи! ,, помогъ ты мнѣ спасти любезнаго мо- ,, его друга. ,,

Привозятъ ихъ на корабль; бывшїе на немъ увѣдомляются о не слыханномъ такомъ примѣрѣ дружества; всѣ наперерывъ спѣшатъ къ нимъ со всякою помощїю, со всякимъ утѣшенїемъ.

Рожеръ возвращается во отчизну, сыскалъ отца своего, и чуть опять не умеръ отъ радости. Человѣколюбецъ, Людовикъ шестый надесять, узнавъ приключенїе пожаловалъ ему выгодное и спокойное мѣсто въ званїи Кормчаго на одной изъ Гондолей Версальскихъ. Антонїй также соединился съ семействомъ своимъ. Оба, доколѣ были живы, благоденствовали, безпрерывно перепискою взаимною дружество свое питали.

И тако доблести и дружба не мечта?
Не имена одни и вещью не тщета? . . . .
Но естьлибъ были тѣ лишъ мыслей только брѣдъ,
Пробрѣдить такъ хочу теченье моихъ лѣтъ.

СЕРДОБОЛІЕ МАТЕРЕНСКОЕ.

Въ Англіи, нѣкоторая извѣстная Госпожа, изъ знатнѣйщихъ тамошнихъ семействъ, (*) воспитаніемъ и природою снабдѣна была всѣми дарованіями. Умъ имѣла основательной, сужденіе о вещахъ обмышляемое, душу великую и чувствительную. По наружности казалась паче робкою, нежели какъ въ самомъ дѣлѣ: была тверда въ намѣреніяхъ и дѣяніяхъ; ибо всякій разъ имѣли оныя похвальное основаніемъ своимъ. Любила художества и науки, покровительствовала упражняющихся въ нихъ; видъ и поступки ея были величественны. Назовемъ ее *Аделаидою.*

Не удивительно, что тако произведенное сердце удобно было чувствовать любовную страсть, да и въ вышшей степени. Женщины добродѣтельнѣйшія сорастворяютъ оную съ великодушіемъ, а по тому сильнѣйшею въ нихъ есть между всякими иными; есть сіе витяжество ихъ, щекотливость чести; привязонность ихъ къ избранному ими предмету отъ часу усиливается; превратности счастія придаютъ для нихъ цѣну послѣднему.

Аде-

(*) Приключеніе недавное, что почти всѣ Англичане вѣдаютъ оное.

Аделаида всѣмъ желателямъ руки ея отказываетъ. Богатства ихъ и знатность породы безъ достоинствъ отличныхъ ничто для ней. Надобенъ ей былъ супругъ самъ по себѣ только стоящїй того . . . . . Напослѣдокъ находитъ такого. Молодой чужестранецъ, коего имя долженствуя мы скрывать, нарицать будемъ *Селиномъ*, отъ родителей благородныхъ, но незажиточныхъ. Душамъ высокимъ низко притворство; всякїя уловки влюбляющихъ въ себя щегольствомъ и разными хитростьми, для нихъ презрѣнны. *Аделаида* открываетъ *Селину*, что нравится ей. Сей подобно же, умѣя не равнять ни съ чѣмъ превосходныя качества природныя и воспитанїемъ снискуемыя, а при томъ и при красотѣ рѣдкой, слезами только, отъ безмѣрнаго восхищенїя пролившимися, свидѣтельствуетъ у ногъ ея, сколь завелико то прїемлетъ. По первомъ изъясненїи условливаются на тайный бракъ, вѣдая, что родственники *Аделаиды* никогда на оной не согласятся.

Сочетались, любовь ихъ бываетъ безпримѣрна. Чрезъ годъ обрадованы были оныя плодомъ. Оставляютъ отчизну, избираютъ убѣжищемъ отдаленный городъ.

Двумъ сердцамъ, вѣчно соединеннымъ, нужна только равная взаимность.

Не

не мыслили, чтобъ чего нибудь не доставало имъ; *Аделаидѣ* вся вселенная былъ *Селинъ*, *Селину Аделаида.*

Сына своего воздоевала она сама, на груди ея подросталъ онъ, небеснымъ удовольствïемъ напаяя чувства родителей. Жена не переставала повторять мужу: . . . . . ,, Доколѣ не была я мать, ,, казалось мнѣ, не могу любить тебя ,, больше; но по родинахъ моихъ не- ,, сравненно милѣе ты мнѣ . . . . . То ,, же ли чувствуешъ и ты? . . . . . Одна ,, улыбка милаго нашего малютки вы- ,, гоняетъ изъ мыслей моихъ все непрï- ,, ятное. Прижму ль его къ сердцу, кажет- ,, ся мнѣ, прижимаю твое сердце. Кто ,, же иной существуетъ въ мïрѣ семъ, ,, кромѣ меня съ тобою и сына нашего? ,, Живемъ мы одинъ въ другомъ. Смерт- ,, ны мы, но онъ возродитъ насъ; его ,, рука отирать будетъ слезы наши; ,, онъ сомкнетъ наши глаза, и умремъ ,, удовольственно . . . . . Нѣтъ Селинъ, ,, не несчастны мы. ,,

День отъ дня однакожъ умножалися недостатки въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ, нудятъ задумываться и скорбѣть. Разрывъ совершенный съ ближайшими по крови людьми живущимъ на правилахъ чести. Дарованïя природныя, стройность и красно-

сноличіе младенца развертываются, ободряютъ отца и мать сносить все. Иногда вырывалися капли изъ глазъ матери, падали на сына. *Селинъ* хочетъ взять его въ свои объятія; она не выпускаетъ его изъ рукъ; говоритъ къ нему: . . . . . „Другъ мой! ты только „отецъ, а я мать. Не такъ онъ тебѣ „дорогъ . . . Состояніемъ нашимъ му„чуся иногда, какъ скоро приложу уста „мои къ его устамъ, успокоеваюсь со„вершенно.

При всемъ томъ здоровье *Аделаиды* слабѣетъ . . . . . Не уже ли прогнѣвляются небеса даже и тѣнью блаженства въ жизни человѣческой, въ жизни столь краткой, столь полной золъ! Или жестокими насъ пораженіями вразумляютъ, чтобъ мы ни къ чему земкому неприлѣплялись?

На младенцѣ оказалися ясные признаки опасной болѣзни. Съ того мгновенія мать внѣ себя . . . . . Съ нимъ отъ часу хуже; . . . . Забываетъ кромѣ его все. Надежда и сонъ, единыя подкрѣпители страдальчествъ, бѣгутъ отъ нея . . . . . *Селинъ* у ногъ *Аделаиды*, заклинаетъ, чтобъ успокоилась хотя на нѣсколько минутъ, доказала бы тѣмъ любовь свою къ нему . . . . . . „Мнѣ о „себѣ думать, когда сынъ нашъ опасенъ?

въ

„ Въ силахъ ли то моихъ, въ силахъ ли
„ выпустить его изъ глазъ . . . . . Боже!
„ не уже ли отъимешъ ты единый сей
„ намъ даръ твой, даръ, который из-
„ быточно замѣняетъ намъ все другое. „

Видимая уже кончина сыновня увлекала жъ примѣтно за собою и жизнь матери. Тщетно *Селинъ*, насильствуя надъ собою, твердилъ ей: . . . . . . „ Не жалѣешъ меня, любовь твоя уже не та!
„ . . . . Нѣтъ другъ мой! тотъ же ты
„ для меня, и быть никогда непереста-
„ нешъ: но посмотри, взгляни, уже
„ лишаемся мы его! „ . . . . . За словами сими падаетъ безъ чувствъ, одними только корчами составовъ своихъ кажетъ, что жива еще.

Врачи провозвѣщаютъ смерть младенцу. Уже близокъ послѣднїй вздохъ его. *Селинъ* собираетъ остатки силъ разшибенныхъ ударомъ столь лютымъ; бросается на жену; обхватываетъ руками; уноситъ отъ колыбели въ дальный покой; запираетъ ея въ немъ съ одною горнишною служанкою; не внемлетъ вопля ея; не трогается терзанїемъ власовъ и бїенїями въ грудь . . . . . *Аделаида* уже безчувственна . . . Но какъ бы и самую смерть одолѣвая, хотя очень рѣдко, но вздохнетъ; не внятно про-износимыя вылетаютъ слова: . . . .
„ Дай мнѣ умереть съ нимъ. „

съ

Съ минуту послѣ открыла глаза; видитъ предъ собою мужа; вопрошаетъ его о сынѣ . . . . . У сего запечатлѣлись уста, подъемлетъ только руки къ верху, и падаетъ какъ бы постиженной ударомъ грома. . . . . . . ,, Разумѣю . . . . . ,, Одно мнѣ остается. ,, ... Становится на колѣни предъ изображеніемъ Крестнымъ, объемлетъ оное, обливаетъ слезами . . . . Такія положенія изражать, не есть дѣло руки или языка . . . . Все ненавистно ей, предается одной набожности . . . . . Каковъ же Селинъ? . . . .
,, Великій Боже! . . . . Перо мое упало,
,, окаменѣло сердце . . . . Чувствую толь-
,, ко, что и я отецъ! ,,

Послѣ погребенія увидѣли ея равнодушну ко всему; ни о чемъ и ни съ кѣмъ не говорила. Воззритъ ли на мужа, покатятся источники слезъ. Примѣтивъ послѣдній, что уединялася она запирая за собою двери, сказавъ, что имѣетъ нужду разстаться съ нею на нѣсколько часовъ, скрытно отъ ней прячется въ томъ мѣстѣ. Она входитъ, открываетъ столикъ, съ великимъ поспѣшеніемъ выбираетъ оттуда все до полнаго одѣянія младенческаго надлежащее, разкладываетъ, дѣлаетъ изъ всего онаго куклу, садится подлѣ, облокотясь поддерживаетъ обѣими руками голову, цѣлуетъ вездѣ сіе рукотвореніе свое, омываетъ

сле-

слезами произнося безпрестанно: . . . .
„ Сынъ мой! единое мое на свѣтѣ со-
„ кровище. „

Видитъ *Селина*; уноситъ онъ, отъ-
емлетъ и послѣднюю сїю отраду ея. У
его ногъ; но повелительно говоритъ
ему: . . . . „ Или оставь у меня, или
„ теперь же увидишъ меня мертву. „

По долгомъ препиранїи соглашается
Селинъ исполнитъ волю ея, съ догово-
ромъ однако же, чтобъ вся сїя одежда
лежала въ столикѣ, и ни когда бы не
вынималась. *Аделаида* говоритъ: . . . .
„ *Я* Англичанка, а того и довольно
„ тебѣ, что не нарушу моего слова. „
Жизнь несчастной сей скоро прекра-
тилась; не замедлилъ и *Селинъ* послѣ-
довать за нею.

ЛЮБОВЬ СЫНОВНЯЯ

Лормъ, человѣкъ торговой, умѣлъ
снискать уваженїе къ себѣ отъ всѣхъ,
довѣренность отъ вступавшихъ съ нимъ
въ какое бы ни было дѣло . . . . .
Рѣдко въ званїи семъ богатѣютъ наблю-
дающїе паче честныя правила жизни,
нежели корыстолюбїе. Первое, да и ни съ
чѣмъ несравненное счастїе есть спокой-

ствїе души, котораго не можно имѣть, не имѣя же непорочной совѣсти, чуждей всякихъ угрызенїй. *Лормъ* слѣдовательно, при всѣхъ своихъ стаpанїяхъ и трудахъ посредственно былъ достаточенъ.

Незапнымъ громовымъ для него ударомъ поражается. Не столько скорбитъ, что обнищалъ, но что приведенъ въ безсилїе заплатить долги свои, безъ коихъ обычайно въ изворотахъ ремесла сего обойтися не можно.

Представляется къ соторговцамъ своимъ, сказываетъ имъ нечаянный свой упадокъ, и сказываетъ со всею тою искренностїю, къ какой удобна только чистая истинна; проситъ, чтобъ подали ему способы къ заплаченїю имъ долговъ своихъ: всякїя усилїя, чего бы то ему ни стоило, съ радостїю на себя прїемлетъ.

Должники у Римлянъ, по изтеченїи нѣкотораго положеннаго времени, становилися невольниками заимодавцевъ. *Лормъ*, даже не отрицается рабствовать чрезъ весь остатокъ своихъ дней.

Нашлися помощелюбцы; но нашлися же и нечувствующїя ни какой жалости къ несчастнымъ; нашелся и такой жестокосердъ, который на умоленїя его

и

и слезы твердитъ только: .... „ Денежки мои, или гнїй въ тюрьмѣ. „.....
„ Но заплатится ли тѣмъ долгъ твой
„ на мнѣ? ...... Ежели же оставишъ
„ на свободѣ, ни чего не упущу перваго
„ тебя удовольствовать, потомъ и
„ слезами моими орошая безпрестанно
„ мои рукодѣлїя ...... Не только
„ плачь твой, хотя бы истекалъ ты
„ кровью корпя надъ работою, сїе не
„ возвратитъ деньги мои. Денежки,
„ денежки, или въ тюрьму. „

Исполняется послѣднее. Жену, шестерыхъ дѣтей даже и не впускаютъ къ несчастному.

Старшїй изъ сыновей, осьмнатцати лѣтъ, учился правиламъ торговли у нѣкотораго Кадикскаго купца. Узнаетъ о несчастїи отеческомъ ..... Прежде всего продаетъ за наличныя деньги, что ни имѣлъ собственнаго, и съ первою почтою отсылаетъ къ даровавшему ему жизнь. Обнищавъ такимъ образомъ самъ, идетъ къ нему милостынею питаясь. Не отступными просьбами преклоняетъ тюремщика впустить къ отцу его.... Объятїя обоихъ сцѣпились ....., „ Тебя
„ ли вижу, сынъ достойный! ...... Тебя
„ ли вижу, родитель мой! во узахъ....
„ Но въ какомъ ты рубищѣ! разумѣю .
„ .... Жизни бы не пожалѣлъ за тебя:

 „ но

„ но она у меня осталась, пожертвую
„ тебѣ и ею . . . . . . Ежелибы страдалъ
„ я одинъ, а не страдали столькоже
„ не заслужившїя то, какъ и я самъ,
„ непорочность совѣсти моей была бы
„ мнѣ успокоенїемъ; религїя была бы
„ прибѣжищемъ моимъ; но мать твоя,
„ твои братья и сестры! по силамъ ли
„ человѣка, видить ихъ въ ужасномъ
„ такомъ положенїи? . . . . Не уже ли
„ со-всѣмъ нельзя преклонить на жа-
„ лость заимодавца твоего? теперь же
„ бѣгу къ нему, и неотчаяваюсь разбу-
„ дить въ немъ человѣчество . . . . .
„ Какъ, въ этомъ рубищѣ? . . . . Оно
„ покроетъ меня славою предъ его и
„ всѣхъ людей глазами. Извергъ! развѣ
„ нѣтъ унего дѣтей? . . . . Премѣни
„ намѣренїе не возможное исполнить;
„ прибавитъ только то стыдъ мой и
„ мои печали. Всякаго уничиженїя, всяка-
„ го посрамленїя тебѣ отъ него жду . .
„ . . . Уничижиться, прося о роди-
„ телѣ своемъ? нѣтъ, не препятствуй
„ мнѣ, удовлетворить честь и долгъ
„ мой."

Молодой *Лормъ* вырывается изъ отеческихъ рукъ, обливъ ихъ слезами; уже предъ мучителемъ его . . . . Послѣднїй нахмурясь съ крайнимъ презрѣнїемъ къ юношѣ говоритъ: . . . .
„ По наружности твоей судя, конечно

„не

„ не деньги мнѣ приносишь . . . . . Не
„ деньги, а сердце достойное сожалѣнія.
„ Скажи мнѣ, имѣешь ли рожденныхъ
„ отъ тебя ? . . . . Къ чему вопросъ
„ столькоже чудной, какъ и дерзкой ?
„ . . . . Ежели ты отецъ, то нищетская
„ моя одежда не можетъ не пріятна
„ быть взорамъ твоимъ. Извѣстяся о
„ крайности, до которой доведенъ то-
„ бою родитель мой, продалъ я все,
„ что у меня ни было. Малую собралъ
„ помощь ему, хотя мало же, но послу-
„ жила къ нѣкоторому для него облег-
„ ченію. Боже! чего ради цѣною крови
„ моей, крови отъ него мнѣ влїянной,
„ не могу купить ему свободы, запла-
„ тивъ долгъ его тебѣ. Пріими предло-
„ женіе мое, прибыточнѣйшее тебѣ,
„ нежели держать отца моего въ око-
„ вахъ. Вѣдаешь ли, что у него жена,
„ шестеро дѣтей большею частїю мла-
„ денцовъ, которыхъ всѣхъ моришь ты
„ голодною смертью ? Одни труды рукъ
„ отца моего доставляли имъ насущный
„ хлѣбъ, современемъ же и тебя доста-
„ вили бы платежемъ долга твоего. За-
„ ключи меня вмѣсто его, (упадаетъ
„ къ ногамъ заимодавца) для собст-
„ венной твоей корысти и освободи могу-
„ щаго расплатиться съ тобою чрезъ
„ нѣсколько времени, меня же брось въ
„ тюрьму на его мѣсто; тронься горь-
„ кими слезами моими ; дай подѣйство-

 „вать

„ вать въ душѣ твоей человѣчеству;
„ возврати питателя многочисленной
„ семьѣ; возврати самъ себѣ могущаго
„ отплатъ деньги твои . . . . . . И ты
„ охотно идешъ за него въ тюрьму? „
[Юноша встаетъ и съ восхищенїемъ
произноситъ] „ Въ это же самое мгно-
„ венїе . . . . буду освободитель отца
„ моего! не изреченную дѣлаешъ мнѣ
„ милость. „ [Опять падаетъ къ ногамъ
жестокосерда, обжимаетъ крѣпко ру-
ками, вопїетъ:] „ по Богѣ первый ты
„ будешъ для меня! ни чѣмъ и ни когда
„ воздать тебѣ не могу. „

Лице лютаго человѣка измѣняется,
смягчился, воздохнулъ и говоритъ:....
„ Пойдемъ со мною къ твоему отцу. „

Едва переступили за порогъ, сынъ
уже во объятїяхъ отческихъ; оба ры-
даютъ . . . . Потекли слезы же и у
третьяго, излетаютъ слова какъ бы
противъ воли: . . . . . „ Старикъ! сынъ
„ твой побѣдилъ меня; далъ мнѣ узнать
„ дѣйствїе природы, чувствительность
„ сердца. „ . . . . . За тѣмъ призвавъ
тюремщика: . . . . . „ Сними оковы
„ съ должника моего, мы уже съ нимъ
„ разплатились. „

Оставивъ тюрьму заимодавецъ взявъ
за руки отца и сына говоритъ имъ:
„ Не

. . . . . „ Не со-всѣмъ еще исправлено
„ безчеловѣчіе мое. Отобѣдаемъ у меня
„ вмѣстѣ, и узнаете, что еще осталось
„ лось мнѣ дѣлать съ вами. „

Сѣли за столъ въ четырехъ уже особахъ; четвертая была единородная хозяйская дочь . . . . . Молодой *Лормъ* поразился красотою дѣвицы; почувствовалъ, что вѣчно его плѣнила . . . . . Послѣ обѣда домо-начальникъ отлучась на нѣсколько появляется съ разодранною бумагою въ рукѣ; . . . . . . „ Вотъ обязательство долга моего на тебѣ,
„ возми. „ По томъ взглянувъ на дочь говоритъ: . . . . . „ Не хочу быть избирателемъ
„ тебѣ мужа; зависитъ то
„ отъ тебя одной. Откройся, нравится
„ ли тебѣ молодой этотъ человѣкъ? „
[указавъ на молодаго *Лорма*]. *Виргинія* зардѣлась, [такъ было имя дѣвицы]. Старикъ продолжаетъ: . . . . „ Понимаю . . . . [Къ юношѣ] примѣрный сынъ!
„ вотъ жена тебѣ, приданое же за нею
„ не только все, что имѣю, но и я самъ:
„ со условіемъ однако же, отъ сего часа
„ останемся не разлучны. „

Что за симъ послѣдовало отъ стараго и молодаго *Лорма*, да вообразятъ читатели себѣ сами: всякое сплетеніе словъ не измѣримо будетъ далеко отъ событія.

Виргинїя и молодой *Лорм* проявили чету завидную въ родѣ человѣческомъ. . . . Такъ-то природа иногда смягчаетъ, даже самыя камню подобныя души, златопоклонниковъ укрощаетъ лютости.

ЛЕРМАНЪ

и

МОЛЛИ.

Мѣсто произшествїя, о которомъ теперь повѣствовать начинаемъ, въ сѣверной Англїи. *Лерманъ* осиротѣлъ только что не въ совершенномъ убожествѣ. Отъ младенческихъ лѣтъ проявлялъ уже, что будетъ точный подражатель достохвальнаго житїя отца своего, *Лермана же* именемъ. Душу имѣлъ чувствительную, нѣжную, а при томъ высокую: слѣдовательно, тѣсное его состоянїе паче было ему тягостно. При изящныхъ качествахъ внутреннихъ былъ статенъ и красноличенъ. Познакомясь съ кѣмъ либо, день отъ дня умножалъ его къ себѣ уваженїе.

Становится торговымъ служителемъ нѣкоего *Вортгїя*, овдовѣвшаго за не многїе предъ тѣмъ дни. У него

было три сына и дочь *Молли*. Сія достигала уже возраста, когда разкрывается сердце предъ самыми пріятнѣйшими ему и самыми же опасными чувствованіями. Страсть любовная, блаженство смертныхъ, не рѣдко превращается въ ядъ смертоносный, источникъ погибели. Красота лица *Молліи* была посредственная; но нѣчто въ ней услаждало всѣхъ взоры; говоритъ ли или дѣлаетъ что нибудь, слушали и глядѣли на нея съ удовольствіемъ. Тиха, добродѣтельна; нѣкоторой родъ умиленной задумчивости, ясный признакъ сильныхъ страстей, цѣну ея умножалъ.... Скоро спознаетъ она, что нѣтъ никого на свѣтѣ ей милѣе *Лермана*.... То же самое и также очень скоро мыслитъ объ ней и *Лерманъ*.

Прежде нежели разверзлися уста ихъ къ открытію таинства душъ, глаза ихъ увѣрили въ томъ. Первый *Лерманъ* съ радостію, спутницею прямой любви, не можетъ молчать долѣе. *Молли* не знаетъ притворства, отвѣчаетъ только, что онъ упредилъ ея.

Однимъ утромъ *Вортти* призываетъ дочь, говоритъ ей: .... „Нельзя „усомниться тебѣ, что я столько же „другъ твой, какъ и отецъ. Лишася „матери твоей, которая была мнѣ все-

 „го

„ го дороже, (старикъ горько заплакалъ)
„ теперь ты одна все для меня. Не
„ перестаю мыслить о тебѣ, не утом-
„ ляюся проницаніями во внутреннія
„ твои помышленія. . . . . Съ нѣкото-
„ раго времени ты не та. . . . Ты сму-
„ щаешся, зардѣлась? . . . . „ *Молли*
не даетъ ему говорить болѣе: . . . . .
„ Коварствовать не только предъ роди-
„ телемъ, ни передъ кѣмъ не умѣю; я
„ влюбилась, влюбилась въ *Лермана*, до-
„ стойнаго милости твоей . . . . Будь
„ спокойна, одобряю твой выборъ; вѣ-
„ рю, что не приведетъ онъ тебя за-
„ быться, чѣмъ ты должна мнѣ и себѣ
„ самой. „

Молли залилась слезами, не въ си-
лахъ произнести ни одного слова. Ста-
рикъ: . . . . „ Такія безсловесныя твои
„ израженія восхищаютъ меня; доказы-
„ ваютъ твою ко мнѣ любовь, и что
„ Богъ далъ мнѣ тебя на утѣщеніе и
„ ускокоеніе старости. Отецъ твой
„ ничего столько не желаетъ, какъ уви-
„ дѣть тебя счастливу . . . . И такъ
„ выдадите меня за *Лермана*? . . . .
„ Всеконечно. Севодни же предложу ему
„ руку твою . . . . Радости не вмѣ-
„ ститъ его грудь. „

Лерманъ бывъ въ другой комнатѣ
подслушивалъ, вбѣгаетъ, падаетъ къ
ногамъ *Ворттія*, произноситъ: . . . .

„ Первый

„ Первый ты для меня по Богѣ! Возво-
„ жуся тобою на самый верхъ блажен-
„ ства. „ Старикъ подымаетъ молодаго человѣка, объемлетъ его, называетъ уже его зятемъ.

Негдѣ сказали уже мы, что происшествїя въ мїрѣ семъ безъ помощи бы религїи, принудили насъ признавать два господствующїя начала, или двѣ противоборственныя силы надъ родомъ человѣческимъ: благая и злая, что последняя благоугождается, недопуская милостей къ намъ первыя, и къ горшему несчастїю почти всегда успѣваетъ въ томъ.

Вортти состоянїемъ своимъ былъ доволенъ, ибо довольный же имѣлъ прожитокъ для обуздателей роскоши и прихотей. Внезапу оное измѣняется. Тѣ, съ коими общимъ иждивенїемъ производилъ торговлю, выдаютъ себя обнищавшими, вовлекаютъ во оную и его. Забываетъ онъ себя собственно, а только жребїемъ дочернимъ терзается.

Уже жизненными необходимостьми не можетъ снабдѣвать ея; уже видитъ ея презираему отъ знакомыхъ, бѣдствїе, несравненно лютѣйшее предъ всякимъ инымъ.

Ударомъ симъ сраженъ же былъ и *Лерманъ*, но объ одномъ только мыслитъ,

слитъ, что *Вортти* и *Молли* во всемъ нуждаются. Все возможное ему къ вспомоществованію имъ, истощаетъ. Вещи, даже до самыхъ мѣлочей, ему принадлежавшія, уже проданы, деньги за нихъ уже *Вортті*ю доставлены отъ руки не извѣстной. Представляется зажиточнымъ купцамъ одному по другомъ: никто не принимаетъ его служить себѣ; знакомые ему до того не узнаютъ уже; нигдѣ и ни какихъ пособій не находитъ; родственники не пускаютъ на глаза.

Нищета, до крайности дошедшая, рождаетъ болѣзни. *Вортти* тяжко занемогъ: не только безъ лѣкарствъ, но почти безъ дневной пищи. *Молли* отъ него не отходна, дни и ночи готовитъ рукъ своихъ работы на продажу для него.

Лерманъ вбѣгаетъ задыхаясь, говоритъ: . . . „Одинъ изъ родственни-
„ковъ моихъ возвратился изъ Виргиніи
„съ великимъ богатствомъ. Теперь же
„пойду къ нему, нельзя ему не тро-
„нуться состояніемъ нашимъ. Боже!
„какое твое милосердіе, ежели дару-
„ешь мнѣ окончать страданіе тебя
„самаго достойныхъ."

Оставляетъ отца и дочь . . . . Представляется *Барнстону* (родственнику своему). Сей недопустивъ его говоритъ

съ

съ собою, произноситъ: . . . . ,, Такія
,, докучалы, какъ ты, не пускаются
,, въ домъ мой. . . . Но ты мнѣ близокъ
,, по крови . . . . Какая дерзость! . . . .
,, Вонъ, или велю тебя выбросить за
,, окно. ,,

Несчастные отъ всего приходятъ въ замѣшательство. *Лерманъ* онѣмѣлъ, недвижимъ. Одежда его кажетъ *Барнстону* его убожество. Но внутреннее дознаніе себя самаго и непорочная совѣсть, напослѣдокъ дѣлаютъ смѣлымъ: . . . . ,, Что ты мнѣ родня, это прав-
,, да. Мать моя тетка тебѣ, принужу
,, тебя въ томъ повѣрить . . . . . Мо-
,, жетъ быть, только надобно, чтобъ
,, было въ самомъ дальномъ колѣнѣ . . . .
,, А! вспомнилъ; нѣсколько знавалъ я
,, какого-то *Лермана*, конечно отца тво-
,, его. Былъ превеликой глупецъ, дур-
,, наго поведенія, умеръ въ рубищахъ;
,, да и ты, видно по всему, не лутче
,, ево . . . . Родитель мой былъ таковъ,
,, какъ ты описываешъ? Нѣтъ, или ты
,, его совсѣмъ не зналъ, или ты самой
,, безстыдной лжецъ. Моего родителя
,, всѣ и чрезъ всю его жизнь чтили и
,, разумѣли примѣрно честнымъ человѣ-
,, комъ. ,,

Барнстонъ язвително усмѣхну-
,, вшись: . . . . . ,, честнымъ человѣкомъ!
,, прекрасная честь, отъ которой уми-
,, раютъ люди съ голоду, отъ чего
,, ста-

„ становятся не сносны цѣлому свѣту.
„ . . . . Отецъ мой ни когда и ни кого
„ собою не тяготилъ; ни когда не ви-
„ дѣлъ себя въ подобной мнѣ теперь
„ крайности просить о помощи: . . . . .
„ Понимаю, просить у меня милостины
„ . . . . . Милостины? . . . . Нѣтъ,
„ такъ я не родился; хочу, чтобъ ссу-
„ дилъ ты меня деньгами, которыя
„ отдамъ, хотя бы то жизни стоило:
„ назначь только срокъ . . . . Такія
„ пѣсенки слыхалъ уже я много разъ.
„ Нищіе всегда краснобаи . . . . . Лѣнь-
„ тяй! ты молодъ, у тебя есть руки,
„ лутче работай, нежели броди по подо-
„ конью . . . . . Къ несчастію моему въ
„ теперешнее время ни кто изъ здѣш-
„ нихъ купцовъ не имѣетъ нужды въ
„ сидѣльцѣ . . . . . Но кто и возметъ
„ такого изъ достаточныхъ людей; а
„ вотъ мѣстечки по тебѣ: или запи-
„ шись въ государевомъ флотѣ въ ма-
„ трозы, или рой землю, а можетъ
„ быть и примутъ тебя въ ливрейные
„ служители. Ежели у человѣка двѣ
„ руки и двѣ ноги цѣлы, вѣрно проко-
„ рмитъ себя. Истинное безчестіе толь-
„ ко въ праздности и нищетѣ. „

Каждое слово, каждый взглядъ *Барнстона*, были смертоносныя уязвленія для бѣднаго *Лермана*: но лежащіе у него на сердцѣ старикъ съ дочерью,

ко-

которые почти умирали со-всѣмъ не имѣя чѣмъ продолжать жизнь, нудятъ его отвѣчать: . . . . . ,, и не требую ,, ни чего инаго. Нѣтъ работъ, сколько ,, бы ни презираемыхъ отъ подобныхъ ,, тебѣ богачей, всякія не сравненно ,, легче, что терплю теперь отъ тебя.,, Плачь съ рыданіемъ отъемлютъ силу говорить больше. *Барнстонъ*: . . . . . ,, Еще ,, и за обиду ставишъ, что я сказываю ,, тебѣ правду. Смѣшны, а отнюдь не ,, жалки причуды въ такомъ побродягѣ, ,, какъ ты. Да и дать въ сіе время хотя ,, бы и захотѣлъ, не могу ни чего. Ку- ,, пилъ я деревню за великія деньги; ,, обычайное содержаніе дома моего оченъ ,, мнѣ дорого стоитъ. Поди же вонъ и ,, больше не кажись, инако велю тебя ,, вытолкать. Ищи у кого нибудь работы ,, или службы . . . . . Кромѣ одного ,, тебя у всякаго радъ умереть трудяся; ,, объ одной только и послѣдней прошу ,, милости: . . . ,, Источники слезъ не скоро возвратили силу продолжать, кидается къ ногамъ каменосерда: . . . . . ,, Не къ себѣ, но къ двумъ несчастнымъ. ,, Откажешъ ли, мертваго отвлекутъ ,, меня отъ твоихъ ногъ. Хотя малымъ ,, количествомъ денегъ ссуди меня, ,, закладываю въ нихъ себя самъ.,, ... Съ глазъ моихъ, или: . . . . . ,, Любли- ,, валъ ли ты кого-нибудь паче себя? . . . . . Богачь захохоталъ: . . . . . ты

,, еще

„ еще и влюбляться можешь? полно„ вѣсной же ты дуракъ. Нищїй влюб„ ленъ „! произнесши сїе звонитъ въ колокольчикъ, входитъ слуга, *Лермана* прогоняютъ въ толчки.

Послѣднїй на улицѣ, не знаетъ самъ, живъ ли онъ еще. Опомнился, видитъ, что уже близокъ вечеръ, бѣжитъ къ знакомому ветошнику, продаетъ одежду свою и все что ни было въ карманахъ; покупаетъ двумъ человѣкамъ пищи на не многїе дни; возвращается въ жилище *Ворттїя*, идетъ прямо на кухню и изготовивъ, чѣмъ насытить отца и дочь, приноситъ оное къ нимъ. Рубищи на *Лерманѣ* вырываютъ слова у старика: . . . . . „ Другъ „ истинный! сынъ любезный! въ какомъ „ видѣ ты? понимаю . . . . . Отецъ мой! „ не думай со-всѣмъ о такой мѣлочи, „ укрѣпитеся только пищею . . . . . „ Оставляю то *Моллїи* и тебѣ, для меня „ же нужна только смерть, которая и „ близка. Дочь моя! дай руку достой„ ному тебя и въ не теперешнемъ тво„ емъ состоянїи. *Лерманъ*! вотъ жена „ твоя, по Богѣ тебѣ одному ея вру„ чаю „ . . . . . Оба поверглися предъ старикомъ; оба вдругъ говорятъ въ слезахъ: одинъ: . . . . . „ для *Моллїи*, „ другая, „ для *Лермана* живи, живи „ для тѣхъ, которымъ ты дороже

„ жизни:

„жизни: или съ тобою же вмѣстѣ „погребутъ ихъ.„ Горькій плачъ трехъ произвелъ долгое молчаніе. *Лерманъ* встаетъ и уходитъ произнесши: „Скоро „увидите меня, всего отъ любви моей „къ вамъ ожидайте.„

Оставляетъ городъ, въ первой деревнѣ, первому же попавшемуся ему селянину говоритъ: . . . . „Не хочешъ „ли нанятъ работника? я могу пахать, „валить лѣсъ, рубить дрова, возить „навозъ, словомъ, всякое крестьянское „дѣло исправлять могу: нанимаюсь у „тебя за какую цѣну тебѣ угодно, „только съ тѣмъ, что дай мнѣ напередъ нѣсколько денегъ подъ росписку „мою: отецъ и жена мои умираютъ съ „голоду. Ежели не вѣришь тому? заставь меня прежде работать при себѣ, „отнеси самъ къ нимъ не обходимую „сію помощь . . . . Не похожъ ты на „рабочаго человѣка, да и напалъ не на „дурака: чортъ ли даетъ впередъ „деньги?„

Происходило сіе на берегу морскомъ, корабль подъ парусами близко; *Лерманъ* садится на первую лодку, достигаетъ корабля. Узнаетъ, что то былъ Государевъ, проситъ, чтобъ приняли его въ число матрозовъ; но отвѣчаютъ ему: . . . . „Не матрозское, братъ, у тебя „лицо, объѣдалы же не надобны намъ.„

Человѣкъ брошенный съ великой высоты въ глубокую бездну уподобиться только могъ *Лерману*, окаменѣлъ . . . . Толкаютъ его на лодку, на которой приплылъ. Вышедъ на берегъ долго не можетъ ни на чѣмъ остановить мыслей. Наконецъ вспомнилъ одного знавшагося съ нимъ нѣкогда, пишетъ къ нему слѣдующее:

„ *Ловель*! узнаешъ ли почеркъ руки, „ пишущей сїе къ тебѣ при раздиранїяхъ „ груди самыми наилютѣйшими терзанїями? . . . . Не тотъ уже я, какимъ меня ты оставилъ; тѣни отрадъ „ отняты, тревога въ душѣ моей; умъ, „ разсудокъ утрачены. Гибну . . . . Я „ пища только горестей, отчаянїя . . . . „ Люблю, сгараю къ наипрекраснѣйшему „ творенїю Божїему, достойнѣйшему „ его: *Молли* мнѣ вся вселенная: владычица безпредѣльная чувствъ моихъ. „ . . . . . . *Молли* не счастна, а я безсиленъ перемѣнить то! Прежнее мое, „ тебѣ извѣстное, состоянїе превратилось нынѣ въ геенну для меня. Я „ Англичанинъ, умереть умѣю, духу „ довольно къ тому; но принужденъ не „ покидать живыхъ . . . . Не обходимо попеченїе твое не обо мнѣ, а „ объ удержанїи душъ едва уже держащихся въ тѣлахъ отъ нищеты и глада. „ . . . . . . И чьихъ же? . . . . . Кра-

„ соты

„ соты небесной, почтенной старости,
„ двухъ вмѣстилищъ добродѣтелей,
„ рѣдко даемыхъ человѣкамъ: дочери и
„ отца . . . . . Возненавидь меня, за-
„ будь дружбу, самое имя мое да будетъ
„ тебѣ гнусно, преклонись только вос-
„ кресить ихъ . . . . . Безъ нихъ на что
„ себѣ я? не состоятъ ли дни мои изъ
„ минутъ, въ которыя несносна мнѣ
„ даже и самая честность? Къ чему
„ честь, строгое храненіе ея правилъ?
„ . . . . . Развѣ для того только, чтобъ
„ злѣе страдать мнѣ смертныхъ всѣхъ?
„ Всѣ стези затворились для меня ко
„ утѣшеніямъ; презрѣніемъ снѣдаюся все-
„ общимъ; презрѣніе, въ смертоносномъ
„ ядѣ обмакнутую стрѣлу сію, ношу въ
„ сердцѣ моемъ . . . . . Предметъ я по-
„ ношеній и позора для всѣхъ и каж-
„ даго . . . . . Найду ли и въ тебѣ, дру-
„ гѣ моемъ, врага подобнаго же? Вѣдай,
„ не допущу умереть двумъ существамъ,
„ коихъ весь міръ имѣть въ себѣ не
„ достоинъ . . . . . Рѣшился уже я . . . .
„ *Ловель*! о другѣ твоемъ услышишъ
„ скоро, что онъ злодѣй . . . . . Перо
„ мое, что ты изразило? . . . . . Нѣтъ,
„ пролью чернильницу на строку сію . .
„ . . . . Нѣтъ, пусть написанное остае-
„ тся: не премѣнное есть то намѣ-
„ реніе, послѣднее дѣйствіе столь рев-
„ ностнаго донынѣ обожателя чести:
„ . . . . . Старецъ! дочь его! . . . . Пре-

 „ столъ

„ столъ самаго Бога украшать рожден-
„ ные, голодомъ умираютъ.

„ *Ловель!* скажу тебѣ еще одно сло-
„ во: страшись изступленнаго, бѣше-
„ наго *Лермана.* Злобою только къ имеми
„ человѣка мщеніемъ безъ разбора лицъ,
„ еще дышу нѣсколько . . . . Или вы-
„ рви меня отъ бездны, ежели дружба
„ твоя не призракъ, ибо одного тебя
„ разумѣю удобнымъ къ тому. Спѣши
„ излить жалость твоего сострадания;
„ спѣши съ помощію не къ другу тво-
„ ему, а къ двумъ рѣдкостямъ въ при-
„ родѣ, рѣдкостямъ добродітелей и кра-
„ соты: или мало будетъ назвать тебя
„ такимъ же извергомъ, каковы и всѣ;
„ попусти дѣйствовать въ тебѣ чело-
„ вѣчеству, умилосердись надъ *Лерма-
„ номъ, Лерманомъ,* не могущимъ уже
„ сцѣплять мысль съ мыслью, котораго
„ движится одна тѣнь отъ порывовъ
„ любви безпримѣрной, безпримѣрнаго
„ отчаянія . . . . Съ душею бы пре-
„ жде разстался я, нежели съ честью:
„ . . . Но *Вортти!* . . . . *Но Молли!*
„ . . . Жду отвѣта твоего или мол-
„ чанія: то или другое скажутъ, на чѣмъ
„ остановиться мнѣ. „

Отвѣтное отъ *Ловеля,* въ которомъ
былъ положенъ банковый билетъ на
двадцать пять гиней:

„ Прежде

„Прежде всего спѣшу послать къ „тебѣ помощь. Сокрушался, что на сей „разъ не могу доставить, сколько бы „желалъ . . . . . Да успокоитъ тебя „нѣсколько, облегчитъ сколько же ни-„будь ужасное смятенїе ума твоего, „и получилъ бы ты силы выразумѣть „дружескія совѣты мои . . . . . Съ не-„изреченною горестїю вижу, отъ пре-„сильной страсти не любезной уже ты „мой *Лерманъ* . . . . . Безпрекословно „обязанъ ты жертвовать с бою *Вортїю* и *Моллїи*; любя ихъ всею душею; „но не уже ли, по крайней мѣрѣ, нера-„вняется съ ними тебѣ честь? . . . . „Чтожъ иное не оцѣнечнѣе добродѣте-„лей? Чѣмъ не долженствуемъ мы „онымъ? . . . . Одни добродѣтели „суть источники изящности человѣка: „собственные родители наши, покой, „нѣги, удовольствїя, выгоды жизнен-„ныя, всякїя прелести и восхищенїя „для чувствъ нашихъ, преходятъ: вя-„нутъ и исчезаютъ наконецъ. Добро-„дѣтели же клейноды суть Божества; „ими только уподобляемся мы послѣ-„днему и съ нимъ сближаемся. Предъ „честїю все мимотечно на свѣтѣ . . . . „Ты въ безднѣ золъ; но кто вовлекъ „тебя во оную? . . . . Безразсудная „стремительность предпочесть руку и „сердце *Моллїи* и тѣмъ и другой . . . . „Довольно на сей первой случай . . . . .

 „Всѣ

,, Все мои деньги, всякую мою собствен-
,, ность разумей принадлежностьми
,, тебе. Ты другъ мне, следовательно
,, священное имеешъ право на все то . .
,, ... Пространнее объясняться пред-
,, оставляю до своего времени. Не
,, трать минутъ, спеши съ помощїю къ
,, двумъ несчастнымъ: уверь ихъ, что я
,, для нихъ другой ты. ,,

Лерманъ разпечатавъ и увидевъ день-
ги, не дочитываетъ последнихъ строкъ,
которыя были таковы: . . . . ,, Одного
,, только требую, взыскую молчанїя о
,, малой сей услуге моей. *Вортти*, *Мол-
,, ли* и ни ктобы не зналъ. Другъ мой!
,, къ неизреченной скорби моей вижу,
,, что ты на пути гибельномъ, и что
,, не могу совлещи тебя съ онаго. ,, . . .
Лерманъ уже тамъ, где душа ево оста-
валась . . . . Какое виденїе! *Вортти* при
последнемъ конце, едва слышимое про-
износитъ: . . . . ,, Иду къ покою. Боже!
,, Для чего не могу смертью моею предот-
,, вратить смерть двухъ, коихъ не
,, минуемо и скоро постигаетъ она? . . .
,, И такъ уже помощь друга моего позд-
,, на! *Молли*! лишаемся мы отца нашего;
,, на что же и мне жизнь? ,, ... *Лер-
манъ* сказавъ сїе не находитъ силъ
сдержаться на ногахъ, падаетъ на охла-
девшее уже тело старика . . . . *Молли*
уста свои прижавъ ко устамъ умираю-

щаго

щаго какъ бы собственную свою душу въ, него вдыхаетъ . . . . Сердца чувствительныя! умѣющія любить совершенно! себѣ сами вы изобразите подобное зрѣлище.

Лерманъ открылъ глаза, оживилися чувства, взоры его заблужденны, угрюмы, яростны, стремятся отъ плачевнаго мѣста сего; не внемлетъ гласу, которой столько его очаровывалъ; прежде всего приходитъ ему на мысль, что дружней помощи не достанетъ на погребенїе пристойное, и необходимыя нужды оставшейся сироты; обтекаетъ городъ, проситъ подаянїя . . . . Вездѣ и всякъ, прїемля его сумасшедшимъ, отъ него бѣжитъ. Срѣтаетъ знакомаго ему богача, кровавыя слезы проливая умоляетъ его; отвѣтствуется ему : . . . . ,, Просишъ милостыни? Какое гнусное ремесло! ,, . . . *Лерманъ* въ самомъ дѣлѣ уже безуменъ, не взвидѣлъ небесъ, земли и всего, что окружало его, но *Вортти* и *Молли* еще не заглаждаются въ памяти. Идетъ не зная и не мысля куда . . . . Въ домѣ знакомаго ему гражданина, именемъ *Суррея*, на тотъ разъ отворены были крылечныя двери на улицу, входитъ въ нихъ; злый рокъ завлекаетъ его въ комнату, въ которой разсыпаны были на столѣ гинеи, беретъ изъ нихъ пять . . . . Хозяинъ туда же возвращается, видитъ, сзываетъ слу-

жителей, приказываетъ вести вора предъ уголовный судъ. Не счастный разпростерся предъ ногами хозяина, деньги выпали изъ его руки, хлынула изъ устъ его кровь; трепетанія и корчи во всѣхъ составахъ тѣла изторгаютъ душу его съ сими, тупо уже произнесенными, словами: . . . . „Я поступилъ на столь „мерзкую подлость? я могъ украсть? . . *Молли*!

Суррей по выпавшему при паденіи *Лермана* письму изъ его кармана, заготовленному къ сказанному имъ родственнику его, узнаетъ, кто онъ и всѣ его несчастія, извѣщаетъ въ жилищѣ *Вортіевомъ* о приключеніи. *Молли* вырывается изъ рукъ державшихъ ея надъ отеческимъ трупомъ. Отчаяніе даетъ ей силу, уже она въ домѣ *Суррея*: кинулась на тѣло *Лермана*, обхватила оное руками и въ тотъ же мигъ послѣдовала за нимъ въ вѣчность . . . . Донесь одинъ камень покрываетъ три сіи жертвы непріязненной судьбы.

ДѢЯНІЕ,

Достойное къ преподанію потомству златыми буквами.

Въ одномъ домѣ изъ городовъ Европейскихъ загорѣлось: обхватывается оный уже пламенемъ; хозяйка онаго, имѣя на рукахъ груднаго ребенка, вопіетъ къ собравшимся тушить пожаръ изъ окна: . . . . „Самаго Бога ради „помогите, ежели уже поздно, хотя „младенца моего спасите.„

Пламя усилилось; сколько ни тронуты были сбѣжавшіеся зримою уже погибелью той и другаго, осталось только жалѣть объ нихъ. Тщетно покушаются подставлять лѣсницу, принуждены бываютъ удаляться.

Между тѣмъ приходитъ города сего Архіепископъ, даетъ не малыя деньги, чтобъ кто-нибудь отважился взойти по подстановленной, какъ выше сказано, лѣсницѣ: отрицается всякой. Архіерей сулитъ тысячу рублей, молчатъ всѣ: . . . . „Дѣти мои! неужели попустимъ пламени пожрать мать и безгрѣшнаго младенца?„ Но какъ все было напрасно, духовная особа сбрасываетъ съ себя верхнюю одежду, восходитъ и уже близокъ къ окну. Зрители

до единаго возсылаютъ къ небесамъ молитву, дабы сохранили мужа столь примѣрно человѣколюбнаго, и котораго всѣ любили, какъ отца.... Усматриваютъ его посредѣ огня, несущаго на рукахъ и мать и ея рожденїе, обгорѣвшихъ уже на многихъ мѣстахъ тѣла ихъ, недвижимыхъ.... Напослѣдокъ сноситъ ихъ съ лѣстницы; граждане бросаются къ нему, и уносятъ самаго его отъ огня со избавленными отъ него жертвами смерти, неизбѣжною казавшейся на рукахъ же своихъ.... Всѣ, какъ бы смолвясь, вопрошаютъ его: „Отче! въ престарѣлости твоей какъ „можно было ожидать отъ тебя толикаго иройства?.... Дѣти! религїя и человѣчество иногда невозможное „творятъ возможнымъ.„

ПРИМИРЕНІЕ,

Придуманное удачно.

Двѣ Римлянки первой знатности изъ тамошнихъ обитателей, сдружилися между собою такъ, что казалось было то на весь ихъ вѣкъ. Одни и тѣ же самыя вкусы во всемъ, равенство лѣтъ и породы, сходство мыслей, любовь къ наукамъ и художествамъ, изящность ума,

ума, чувствительность сердца, печатлѣли взаимной ихъ союзъ.

Общества въ большихъ городахъ какъ вихри; какъ приливъ и отливъ морской, каждаго и противу воли иногда влекутъ въ себя. Всякой въ движенiи, всякой не то дѣлаетъ, что хочетъ; у всякаго мысли разсѣяны; упускаются должности; въ небреженiи даже и тѣ забавы и удовольствiя, коими прямо наслаждается душа; толпа предметовъ замѣшательства только самихъ въ себѣ производитъ. Словомъ, собранiя такiя ничто иное суть, какъ сцѣпленiе скукъ разновидныхъ. Мнимыя прелести обществъ сихъ, со временемъ, сами по себѣ исчезаютъ; каждый съ неудовольствiемъ внутреннимъ признается, что подобныя вапараты разлучаютъ съ заслуживающими привязанность нашу; что новосводимыя знакомства, кратко-временныя, не есть дружество, а почтенiе, того меньше: кончатся же утомленiемъ насъ и отвращенiемъ къ нимъ. Но нѣкоторой родъ мнимаго любочестiя, участвовать въ такъ называемомъ большемъ свѣтѣ, и мнимое же самолюбiе приковываетъ насъ къ нему, лишаетъ истинныхъ прiятностей въ жизни раздѣлять время, съ кѣмъ свыклися мы, не рѣдко же и спокойствiя внутренняго, да и навсегда.

На-

Назовемъ особъ сихъ, о которыхъ намъ слово, *Маріею* и *Флорою*. Послѣдняя восхитившись выше сказаннымъ вихремъ, день отъ дня рѣже видается съ первою: наконецъ же и совсѣмъ какъ бы не знакомою становится ей.

Оскорбленная тѣмъ *Марія* притворяется равнодушною, молчитъ предъ всѣми, сколь тягостно ей сносить утрату дружества той, которая столько ею еще любима.

Протекаютъ годы, обѣ мучатся желаніемъ опять быть по прежнему; но по развратно-разумѣемой гордости духа, ни та ни другая, не дѣлаютъ перваго къ тому шага.

Флора великая была охотница до цвѣтовъ. Прежній ея другъ во одеждѣ продавательницы оныхъ, закрывъ сверху почти все лице свое шляпкою, приходитъ къ ней съ корзинкою въ рукахъ, говоритъ ея служителю: . . . . „Доложите „госпожѣ вашей, не изволитъ ли купить „что нибудь изъ моего товара?„

Впускается предъ *Флору*. Велятъ ей подойтить ближе, вопрошаютъ: . . . . „Что у тебя? . . . . Разныя цвѣты, Су„дарыня, благовонныя.

Флора вздохнувъ произнесла: . . . . „Бывало присылала мнѣ ихъ всей моей

люб-

„ любви, всего моего почтенія достойная „ особа . . . . Чтожъ тебѣ дать за цвѣ- „ ты твои? . . . . *Марія* снимаетъ шляпку, отвѣчаетъ ей: . . . . „ Воз- „ вращеніе дружества твоего „ . . . . . Цвѣтолюбка, внѣ себя отъ возрадованія, бросается со объятіями разпростертыми, прижимаетъ одна другую крѣпко, плачутъ, одна предъ другою винятся . . Съ сего мгновенія взаимная ихъ любовь служила примѣромъ искренняго дружества между двухъ женщинъ.

ДОБРЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

Графъ Бочъ прожилъ уже сорокъ лѣтъ, дѣлая всякому добро втайнѣ. Любовь къ ближнему и всѣ иныя общежительныя добродѣтели образовали душу его: легче бы была ему смерть, нежели остановка помогать, обязывать нуждающихся въ чемъ-либо. Деревень его и окрестныя поселянѣ видѣли въ немъ подобіе самаго Бога милостей; издалека стекалися къ нему разныхъ званій люди судиться, совѣтоваться съ нимъ въ тяжбахъ: изреченіямъ его повиновались. На послѣднее не поступалъ никогда, не призвавъ тяжущихся приходскихъ Священниковъ, съ коими разсматривалъ права ихъ на письмѣ. Въ

искахъ

исъ нихъ запутанныхъ совоспрошался съ лучшими законниками въ ближнемъ городѣ отъ его жилища. (*) По рѣшеніи отъ него никто и никогда не переносилъ дѣла своего въ вышнее судилище.

Тако

(*) Одинъ изъ стряпчихъ, коего знаніями законовъ способствовался Графъ сей, и который былъ такой же, какъ онъ, другъ человѣчества, учиненъ судьею. Правила чести послѣдовали за нимъ при его повышеніи. Нѣкогда посѣщается Архіереемъ города, гдѣ онъ судействовалъ; говоритъ ему: . . . . „Пожаловали вы „ко мнѣ не только ко одолженію меня, „но и для помощи въ примиреніи двухъ „родныхъ братьевъ, крестьянъ не далекой отсюда деревни. Десять уже „лѣтъ въ смертельной они враждѣ за „лоскутъ земли, почти ничего не стоящей; на всякой годъ, придетъ ли пора пахать этотъ лоскутъ, съ заряжеными пистолетами въ рукѣ одинъ „другаго не допускаетъ до того. Какъ „ни старался я укротить злобу ихъ, „все было напрасно. Тебѣ, пастырь „душъ! предоставлено проявить чудо „сіе . . . . Ежели надобно, теперь же „поѣдемъ къ нимъ . . . . Нѣтъ, на что „принимать такой трудъ, призову ихъ; „только нужно, чтобъ ты ихъ попотчивалъ табакомъ изъ табакерки тво-

Тако всѣ дни житїя его протекли. Всевышнїй благословилъ его глубокою старостїю въ крѣпости силъ духа и тѣла;

,, ей; чтобъ говорилъ съ ними ихъ на-,, рѣчїемъ крестьянскимъ: ,, ... Приходятъ; Епископъ прежде всего подноситъ имъ по доброй чаркѣ доброй же водки; даетъ имъ нюхать табакъ изъ золотой табатерки; бесѣдуетъ съ ними какъ съ ровными себѣ, ихъ же крестьянскїя употребляя слова; начинаетъ уговаривать, чтобъ помирились; вразумляетъ не повелительно, но съ ласкою, о будущей казни Божїей, ежели помрутъ врагами . . . . Одинъ изъ братьевъ произнесъ: . . . . ,, Да нельзя, мы поло-,, жили клятву на себя вѣчно ссориться. ,, ,, ... Это не мѣшаетъ, знаете, что ,, намъ Священникамъ дана власть вязать ,, и рѣшить на землѣ: снимаю клятву ,, эту съ васъ обѣихъ. ,,

Оба протягиваютъ руки, бѣгутъ другъ къ другу, обнимаются, и такъ одинъ другова держа идутъ по домамъ.

Судьѣ въ тотъ же вечеръ случилось ѣхать полемъ деревни, гдѣ они жили; видитъ, что оба брата одинъ передъ другимъ наперерывъ ломаютъ заборъ. Спрашиваетъ ихъ: . . . . Друзья! такъ то вы помирились? ,, ... Младшей братъ отвѣчаетъ: . . . . ,, Этотъ за-

тѣла; таковъ же точно и нынѣ еще онъ на девятомъ десяткѣ лѣтъ своихъ. . . . . Боже! пробавь жизнь мужа сего и ему подобныхъ за предѣлы обычайнаго временнаго бытія нашего на землѣ; да благоугождаешися Самъ во благихъ твоихъ къ помилованію бѣднаго человѣчества.

Ежели строки мои, изліяніе сердца, вложитъ случай въ твои руки, о, человѣколюбецъ! пріими должною данью благодарности за толикое множество обязанныхъ и еще обязываемыхъ тобою. Всѣ на свѣтѣ семъ, рожденные чувствительными, прорицаютъ тебѣ: не вкусишъ горестей почти не минуемыхъ спутницъ предъ концемъ жизни. Когда воззоветъ тебя единый истинный, единый праведный и Всевѣчный къ себѣ, не только безболѣзненно заснешь только сладкимъ сномъ; ни когда не подсохнутъ слезы людей добродѣтельныхъ на твоей гробницѣ.

КЛА-

„ворь во концамъ полосъ моихъ и
„братнихъ; безъ него ему ко мнѣ, и
„мнѣ къ нему ходить ближе. Домы наши
„будутъ за одинъ домъ; семейства
„наши одно семейство; одиннатцатой
„уже годъ мать наша съ нимъ живетъ;
„а съ завтрешняго утра день у нево,
„другой у меня.“

КЛАРА,

или

ИСПРАВЛЕННОЕ ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Клара родилась правотною, чувствительною: два качества, довольныя сдѣлать человѣка не счастнымъ. Во младенчествѣ осиротѣла. Воспитателями ея стали дальныя родственники, которыя мало объ ней пеклися; не было надъ нею глазъ недреманныхъ; сама она была установительницею своего поведенія. *Клара* достигаетъ возраста наисильнѣйшей власти сердца надъ разумомъ, почти всегда сводящаго съ пути должностей и къ самому себѣ.

Одинъ изъ соблазнителей, развратниковъ невинности, какихъ не наказуютъ законы, ибо законы съ сей стороны во многихъ Государствахъ или не полны, или вовся несовершенны; знакомится въ домѣ, гдѣ часто бывала *Клара*. Увидѣлъ ея, и въ туже минуту умышляетъ ея прельстить, воспользоваться ненавыкомъ ея во обхожденіи съ людьми, ея чувствительностію . . . . . Ничто не легко столько для новопоявляющихся въ свѣтѣ, какъ быть уловленными отъ приманъ мнимыхъ таковыхъ наружныхъ пріятностей: даже мѣлочи

сего рода приводятъ въ не противную тревогу, въ восхищеніе . . . . По дѣйствію злаго рока пороки нравятся больше, нежели добродѣтели.

Назовемъ соблазнителя сего *Дорвалемъ* . . . . *Дорваль* въ короткое время влюбляетъ ее въ себя, раждается въ ней страсть къ нему, усиливается день отъ дня: всему уже онъ предпочтенъ; уже она жертва неистовства его. Предписываемое честію, долгомъ, Религіею, уваженіями къ самой себѣ, помалу заглаждается въ мысляхъ и сердцѣ, наконецъ же и совсѣмъ забыты.

Чтобъ погрузилась она еще глубже въ безднѣ погибели своей, манитъ ея бракомъ; всякія увѣренія, клятвы всякія ничего не стоятъ нечестивцу: бракомъ, который однако къ сокрушенію будто его принужденъ отложить на нѣсколька недѣль для преклоненія на соизволъ къ тому его семейства . . . . Ослѣпленная *Клара* ему говоритъ: . . . . „ Къ чему „ клятвы? Я тебя люблю, слѣдовательно вѣрю тебѣ; да и не можешъ „ ты быть такимъ извергомъ, такимъ, „ первымъ изъ самыхъ лютыхъ злодѣевъ, кровопійцовъ, чтобъ поругаться „ тебѣ мною. Нѣтъ не льзя, не можешъ „ быть убійцею чести моей, лишителемъ жизни для тебя одного надобной мнѣ. „

Клара

Клара скоро уже будетъ мать: мракъ заблужденія ея начинаетъ прочищаться; начинаетъ провидѣть, что съ нею будетъ; опознаетъ всю великость своего преступленія; опознаетъ, что одно только поспѣшеніе свадьбою можетъ ея спасти . . . Не любовью болѣе, въ которой толикократно и столь жарко бывала увѣряема; но заклинаетъ *Дорваля*, проситъ уже уничиженно сжалиться надъ нею, хотя изъ человѣколюбія единаго; слезами омывается, объемлетъ колѣни вѣроломца.

Безчестной вертопрахъ кажется умилившимся, Бога даетъ порукою немедлить болѣе . . . Нѣтъ мѣста сомнѣнію, когда милой человѣкъ увѣряетъ. Успокоевается *Крала*. Полученіе только наслѣдства послѣ богача дяди, при концѣ уже жизни, задолжило будто исполненіе того, чего онъ болѣе ея желалъ.

Но что послѣдуетъ за подобнымъ сплетеніемъ лжей смертоносныхъ? . . . Сказываютъ *Кларѣ*, что *Дорваль* оставилъ городъ, и куда отправился, ни кто не знаетъ.

Я, описывающій произшествіе сіе, признавался уже выше, и всякой разъ чистосердечно признаваться буду въ неумѣніи моемъ, изражать читателямъ подобныя уразы злоключеній.

Клара вдругъ превозмогаетъ всю крутость страданія своего, становится рѣдкою въ человѣкахъ; рѣшится и въ самой точности исполняетъ забыть все на свѣтѣ и себя собственно, жить только для носимыя подъ сердцемъ ея невинной твари. Ближняя и дальная родня узнавъ о ея состояніи, не только не полагаютъ мѣръ раздраженію, но и первыя разсѣваютъ о томъ слухи: бываетъ она позоромъ цѣлаго города. Тунеядцы, ни къ чему полезному и хвальному не способные, не знающіе куда дѣться отъ праздности, слѣдовательно и скукъ безпрерывныхъ, мыкаются изъ дома въ домъ, и съ различными прибавками изъ несчастія ея дѣлаютъ городскую новизну. Другой бичь общежительствъ, пустомели, разсыпатели мнимыхъ только ими острыхъ словъ безъ замысловатостей и такъ называемой соли, надоѣдаютъ правосмыслящимъ вялыми своими о томъ шутками. Ханжи и пустосвяты, звѣри лютыя, даже и самыя малости за важности обычайно пріемля, съ наморщенными лбами хрипнутъ крича: . . . . „ Соблазнъ! „ Соблазнъ преужасный! „ Вооружаютъ строгость законовъ противу той, которая уже слишкомъ наказана . . . . . Остается *Кларѣ* одно прибѣжище: единый утѣшитель сокрушенныхъ, отъ коихъ все отступилось на землѣ, Отецъ Небе-

Небесный. Находитъ въ себѣ новую душу, силы довольныя сносить жребїй свой. Въ умѣ ея и сердцѣ единый только прощатель грѣховъ и жалостное существо, которому получить отъ нея жизнь надлежало. Равнодушно терпитъ поруганїя, нуждается даже въ пищѣ; кроетъ отъ всѣхъ уничиженїе свое въ городской больницѣ; становится тамъ матерью; уединяется по томъ; дни и ночи рукодѣльствуя доставляетъ дитяти и себѣ не обходимое.

Время, открытель прямыя цѣны дѣлъ человѣческихъ, начинаетъ производить сожалѣнїе объ ней, далѣе же отдаванїе справедливости ея терпѣнїю, твердости духа и безпорочному житїю.

Сынъ *Клары*, между тѣмъ, уже отрокъ . . . . Приносятъ къ ней письмо съ почты, открываетъ, узнаетъ почеркъ *Дорваля*, читаетъ: . . . ,, Возвратился я изъ Индїи умереть во отечествѣ. Я губитель твой; беззаконїе ,, мое и твой образъ, какъ адскїя змѣи, ,, ни на одинъ мигъ не переставали ,, терзать внутренность мою. Прїими ,, раскаянїе мое и великое богатство. ,, На послѣднее совершилъ уже я духовную приказнымъ порядкомъ . . . . . ,, Прогнѣвалъ Бога; оскорбилъ природу; ,, измѣнилъ любви наичистѣйшей: до-

„ стойно же и праведно караюся. Лютыя
„ скорби духа моего произвели упадокъ
„ здоровья, почти изъ гроба уже пишу
„ къ тебѣ сіе . . . . Слышу отъ всѣхъ,
„ вѣдаю самъ, что ты образецъ прямыя
„ набожности и добродѣтелей . . . . . .
„ Простишъ ли грѣхъ мой предъ тобою?
„ Ежели бы смогъ, у ногъ бы твоихъ
„ видѣла уже ты меня . . . Послѣднюю
„ искру жизни моей обращаю на сіе на-
„ чертаніе. „

Клара отвѣчаетъ:

„ Свѣтъ и что въ немъ, мнѣ чужое.
„ Не укоры, а молитвы о тебѣ къ Богу,
„ да проститъ, какъ и я тебя прощаю,
„ посылаю къ тебѣ. Вѣчность одна только
„ мнѣ нужна, сына же твоего состояніе
„ ты устроилъ. Онъ и я мчимся съ воз-
„ можными къ тебѣ помощьми и утѣ-
„ шеніями отъ чувствительныхъ сер-
„ децъ . . . . Болѣзни суть роды не-
„ счастій: противно человѣчеству не-
„ счастныхъ разумѣть врагами. „

Мать и сынъ находятъ *Дорвачя*, какъ бы ожидавшаго только изпустить душу въ ихъ объятіяхъ . . . По долгомъ плачѣ въ молчаніи, *Клара* вопрошаетъ отрока: . . . . „ Какое распоря-
„ женіе твое съ толико великимъ на-
„ слѣдствомъ? . . . Что всегдашнія
„ твои наставленія, примѣры добро-
„ дѣ-

„ дѣтелей твоихъ велятъ. Раздамъ ни-
„ щимъ, они братья и сестры наши;
„ да и нѣтъ у насъ иныхъ.„

Клара прижимаетъ къ груди сына, вѣщаетъ: . . . . „ Такъ, не имущїя и „ нуждающїяся родственники наши, отъ „ прочихъ всѣхъ оставлены мы.„

Намѣренїе исполняется по возвращенїи ихъ въ городъ, не болѣе удержали у себя, какъ что потребно было для пробавленїя жизни и благодѣтельствъ ближнему . . . *Клара* при погребенїи своемъ имѣла цѣлый городъ оплакивателей о лишенїи рѣдкихъ въ родѣ человѣческомъ благонравїя и терпѣнїя. Сынъ ея до конца дней своихъ былъ любимъ и почитаемъ отъ всѣхъ и каждаго.

БѢДСТВЕННЫЯ СЛѢДСТВІЯ поступки не осторожной.

Лозанъ, Баронетъ Англинскїй, былъ изъ числа рожденныхъ добродѣтельными; но которыхъ сильныя страсти завлекли далѣе предѣловъ, самими ими предписываемыхъ себѣ. Не взирая на нравъ его пылкїй, былъ сострадателенъ, духъ имѣлъ высокїй. Отецъ его не походилъ на сына: насильственъ,

непримиримый врагъ единожды поссорясь, неоставлятель ничего ко отмщенїямъ, ненавидѣлъ почти всѣхъ на свѣтѣ . . . . Души несчастныя! для коихъ только одна злоба и ненавидѣнїе есть пища, неизвѣстны вамъ сладостныя оныя удовольствїя душъ кроткихъ: примиряться съ непрїятелями и прощать ихъ.

Лордъ *Дельбури* предпочтенъ *Лозану* старику въ выборѣ отъ округи ихъ нарочнымъ въ Парламентъ. Воспламеняется вражда, до бѣшенства доходитъ. *Дельбури* умеръ; кому же мстить, ежели не оставшейся послѣ него его дочери единокровной?

Послѣдняя жила въ Лондонѣ, разумѣлася чудомъ красоты; умъ просвѣщенъ былъ науками; сердце, вмѣстилище добродѣтелей; судила о всемъ основательно; даже завистниками была хвалима. Мужа ея, Лорда *Іонсона*, напротивъ, нетерпѣлъ никто; никто не только любезнаго въ немъ, но ниже сноснаго не находилъ; къ тому въ прибавокъ былъ ревнивъ до крайности. Жена его вѣдала, къ чему обязывалася должностью своею и честью. *Софїя* мучилась замужствомъ такимъ, однако не меньше свято хранила всѣ онаго отношенїя. Искушаемая множествомъ соблазнителей, навсегда не поползновенною остается.

При-

Примѣрамъ подобныхъ развратниковъ надлежало бы обуздать *Сир-Генриха*, коего нравы были не повреждены; зналъ онъ цѣну женщинъ, сопротивляющихся прельщенїямъ.

Софїя нѣкогда ему сказала: . . . .
„Я уже просила тебя, чтобъ пожаловалъ не посѣщалъ домъ нашъ; поступки твои со мною хотя не выходятъ изъ предѣловъ вѣжливости обычайной; но твои взоры оскорбляютъ меня. Вспомни, что я имѣю мужа; небо и земля дѣлаютъ меня его собственностью. И такъ въ послѣднїй разъ прошу, не допускай себя даже до помышленїй не позволенныхъ; всего лутче удаляйся мѣстъ, гдѣ могли бы мы увидѣться. Когда же напослѣдокъ здравой разсудокъ возметъ надъ тобою надлежащую силу свою, можешъ бывать со мною вмѣстѣ, и охотно имѣть тебя буду другомъ моимъ.„

Надъ *Сир-Генрихомъ* дѣйствовали правила добродѣтели; но влюбленъ былъ страстно. Провидѣлъ, что то было тщетно; но преодолѣть себя не могъ. На слова ея отвѣчаетъ: . . . . „По крайней мѣрѣ позволь чувствовать должное къ существамъ безплотнымъ.„ . . . Виновна уже я и тѣмъ однимъ, что вездѣ отъ тебя не убѣ-

„ гаю. Долгъ мой былъ съ самаго на-
„ чала дерзости твоей наложить тебѣ
„ молчанїе вѣчное. „ *Софїя* выходитъ
изъ комнаты, гдѣ они были.

Посылаются письма, не отвѣт-
ствуетъ на нихъ; выискиваются слу-
чаи, гдѣ бы увидѣть *Софїю*, безу-
спѣшно.

Старый *Лозанъ* узнаетъ, что сынъ
его бываетъ въ домѣ дочери врага его,
предпрїемлетъ намѣренїе ужасное: из-
лить злобу свою противу *Дельбурїя*
надъ его дочерью.

Генрихъ провѣдалъ объ отъѣздѣ *Ioн-
сона* на два дни въ деревню: въ любов-
номъ своемъ ослѣпленїи, задаривъ при-
вратника, прокладывается потаенною
лѣсницею въ спальну *Софїи* . . . . Ужа-
снулась, излетѣли слова: . . . . „ Какъ
„ посмѣлъ ты! . . . . Ежели Милордъ
„ найдетъ тебя здѣсь!

Генрихъ у ногъ ея, начинаетъ из-
ливать душу, но не допускается про-
должать: . . . . „ Скройся отъ глазъ
„ моихъ, ежели не хочешъ увидѣть
„ меня мертву. „

Любовникъ сжимаетъ колѣна *Софїи*,
она въ слезахъ, отчаянїе на лицѣ. . . .
Входятъ *Ioнсонъ* и старый *Лозанъ*: . . .
Пер-

Первый внѣ себя отъ гнѣва возопилъ:....
„ Вѣроломная! такъ-то провождаешъ ты
„ время въ отсудствїя мои!„ указавъ
на старика продолжаетъ: . . . . „ Безъ
„ твоего увѣдомленїя о безчестїи мо-
„ емъ, долго бы еще оставался играли-
„ щемъ пакостей этой злодѣйки. „

Генрихъ высказываетъ чистую истин-
ну, слова его не внемлютъ; *Софїя* въ
обморокѣ. Первый подступивъ къ *Іонсо-
ну* говоритъ: . . . . „ Слушай! жены
„ твоей добродѣтельнѣе и безвиннѣе
„ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. Надобны ли
„ тебѣ клятвы мои: клянуся Богомъ
„ самимъ и святою честью человѣка
„ прямо благодарнаго. Но ты отвра-
„ щаешъ слухъ; докажу тебѣ, что лю-
„ ди предъ концемъ жизни своей не
„ лгутъ. „ Сказавъ сїе собственною сво-
ею шпагою пронзаетъ себѣ сердце. . . .
Виновникъ всего зла бросается ко упав-
шему уже сыну своему, хочетъ вынять
желѣзо; но сей едва уже внятнымъ го-
лосомъ говоритъ ему: . . . . „ Поздно;
„ пощади хотя послѣднюю минуту мою,
„ выдь отсюда, отецъ безчеловѣч-
„ ной! Не моя, твоя рука даетъ мнѣ
„ смерть. „

Софїя между тѣмъ открыла глаза.
Какое зрѣлище! Воскликнула: . . . . .
„ Что вижу! . . . . „ Отдаю должное не-
„по-

„порочности твоей; я губитель твой,
„преступникъ и достойно зато караю
„себя. *Іонсонъ*! можешъ успокоить
„меня: молви только, ужели вѣришъ,
„что жена твоя не винна? . . . .„
Примѣтно было, что хотѣлъ еще нѣчто говорить, но оказавшіяся признаки издыханія недопустили . . . Недолго же жила по томъ и *Софія*: ревность и подозрѣнія мужніи, а можетъ быть и столь лютая кончина, открывшая предъ нею безпримѣрную любовь достойнаго оныя молодаго человѣка, произвели болѣзнь неизцѣлѣную, длившуюся недолго . . . . . Скоро также печаль и раскаяніе повергли во гробъ и злосердаго старика . . . *Іонсонъ* позналъ, какаго Ангела самъ себя онъ лишилъ: все и самъ себѣ становится несноснымъ, укрѣпляетъ великое имущество свое въ родѣ *Дельбуріевъ*, уединяется далеко отъ всякихъ общежительствъ.

КОНЕЦЪ ІЮНЬСКОЙ.

ПЕРЕЧЕНЬ.

Стран.

Комедіантъ. - - 1

Два матроза. - - 5

Сердоболіе материнское. - 11

Любовь сыновняя. - 17

Лерманъ и Молли. - - 24

Дѣяніе, достойное къ преданію потомству золотыми буквами - 41

Примиреніе, придуманное удачно - 42

Добрый помѣщикъ - - 45

Клара, или исправленное преступленіе - - - - 49

Бѣдственныя слѣдствія поступки неосторожной - - - 55

